

75 ДНЕЙ НА СЕЛЬСКОЙ СЦЕНЕ

(Из путевого дневника)

ному обслуживанию трудящихся районов. Достаточно сказать, что только за последние десять лет мы дали в селах и поселках области и края свыше двух с половиной тысяч спектаклей и концертов, обслужив ими четыреста тридцать две тысячи зрителей, т. е. почти столько, сколько составляет население всей Хакасии.

Вся наша зимняя работа на стационаре, по существу, строится с прицелом на летние гастроли. Выбор репертуара, подготовка параллельных спектаклей подчинены будущим творческим встречам с тружениками сельского хозяйства.

Если бы спросили: что нас заставляет зимой и летом ездить по области, то, честное слово, трудно было бы сразу ответить на этот вопрос. Финансовые соображения? Чепуха! В этом отношении у нас дела и на стационаре идут неплохо. Жажда к кочевью? Конечно нет! Многие из нас уже вышли из того возраста, когда нравится ездить в открытой машине.

Зритель! Необычайно чуткий к искусству и глубоко любящий драматический театр — вот кто нас привлекает в этих поездках. То ли потому, что спектакли профессионального театра в сельской местности — редкость а, может быть, потому, что наш коллектив завоевал известный творческий авторитет в области, но факт остается фактом — театр хотят видеть на сельской сцене, билеты на спектакли, как правило, раскупаются задолго до начала, мно-

гие в зрительном зале — наши старые друзья, которые за последние годы пересмотрели чуть ли не весь репертуар театра.

2. НАПЕРЕКОР СТИХИИ

Где же ты, щедрое хакасское солнце? Мы потеряли счет дождливым дням. С утра и до вечера без передышки небо льет на землю потоки воды. Получается так: наверху вода, внизу вода, а в середине мы — третья бригада театра, которой во что бы то ни стало надо ехать на гастроли по области. Но как же ехать, когда дороги — непролазное месиво, автобуса нет, а наш грузовик — гибрид от нескольких старых автомашин — не внушает доверия.

Мы сидим на крыльце театра в ожидании погоды. А в это время наш директор Яков Федорович Нусс тает на глазах, осунулся, потерял аппетит и с мольбою смотрит вверх, заклиная погоду войти в его администраторское положение. Посоветовавшись, мы решили во что бы то ни стало, на зло синоптикам выехать сегодня.

Наш славный, убеленный сединами бригадир Надежда Николаевна Долина — знаток областной географии — принимает из себя командование «парадом» и дает приказ: грузить машину! При всеобщих криках: «тащи туда», «тащи обратно», «клади так», «не клади так», «утрамбовывай», «увязывай», «эй, ухнем» мы умудрились погрузить в одну машину походную гостиницу — десять кроватей с постельными принадлежностями, несколько огромных ящиков, кучу всякой всячи-

ны, именуемой «мягким оформлением». Туда же влезли двенадцать человек взрослых с чемоданами, двое детей. А дождь не унимается. Мелкий, нудный, он поливает худенький брезент, которым мы покрыли себя. Последние восклицания, напутственные слова. Врезается в память не сходящая с лица Нусса улыбка (наконец-то, я их выпроводил!). И наша «антилопка-гну», фырча и отстреливаясь клубами дыма, трогается в Аскизский овцесовхоз.

Итак, едем! Нас бросает вверх, потом вниз, стучает головами друг о друга, раскачивает из стороны в сторону. Мы то проваливаемся в бездну, то вдруг поднимаемся вверх, но, главное, едем упорно вперед. Спустя час после того, как в дождливой мгле скрылся родной Абакан, мы вдруг обнаружили, что никто из нас толком не знает, где же именно находится центральная усадьба совхоза. Однако в эту критическую минуту среди нас нашелся бывалый товарищ — артист Сергей Тимофеевич Медведский, который добровольно взял на себя обязанность штурмана.

Медведский изредка высовывает голову из-под мокрого брезента, подолгу смотрит вдаль и затем флегматично бросает шоферу короткий приказ: вперед. Это значит, что до заветного правого поворота еще не доехали, и он где-то прячется за водяным занавесом. Ага, вот и поворот! Команда: право руля, и мы снова едем, едем... А обещанного совхоза все нет. Не сбились ли с дороги? Штурманский авторитет Медведского начинает колебаться. Раздаются гневные голоса, явно назревает «бунт». Остановили машину. В наступившей тишине вдруг из ка-

бинки режется резкий окрик Долиной: «Куда ты завел нас, Сусанин?!». Медведский, не отвечая, снова высовывается из-под брезента и на этот раз долго чмокает губами, вертит головой, что-то соображает, прикидывает, часто, к нашему ужасу, оглядывается назад. Мы, затаив дыхание, следим за выражением его лица. Неужели проехали? Наконец, кто-то из нас, не выдержав трагической неизвестности, спрашивает: «А мы правильно едем?». Наш штурман пожал плечами и спокойно ответил: «А черт его знает!». Так неожиданно была развеяна слава самозванного кормчего.

Впрочем, Медведский цепко держится за свой общественный пост и, видимо, решает не сдаваться. Следуя мудрому изречению «все дороги ведут в Рим», он, спустя минуту, вдруг вскакивает, наклоняется из кузова над дверью кабины и убежденно говорит шоферу.

— Езжай прямо, все равно приедем в совхоз!

И, в самом деле, вскоре показался долгожданный поселок.

Встречаемые стайкой ребятишек и гомоном гусиного выводка, разбрызгивая дорожные лужи, мы лихо подкатили к крыльцу совхозного клуба. Какова же была наша радость, когда у афиши театра мы увидели большую группу молодежи, ожидавшую открытия кассы, а сквозь расступившиеся тучи расплавленным золотом брызнули лучи весеннего солнца. Итак, мы победили стихию, все предвещает удачное начало гастролей.

Кто определяет начало спектаклей театра в сельской местности? Станный вопрос, скажет читатель. Конечно, администрация клуба и театра. Ничего подобного.

Коровы. Да, да, самые настоящие разномастные буренки, от пригона и дойки которых зависит час начала наших представлений. Так было в первый день наших гастролей в Аскизском овцесовхозе, так было и в последний — семьдесят пятый в Бородинском совхозе. Вначале трудно было соглашаться с коровьим произволом, а потом привыкли и шли гримироваться, когда мычащее стадо, поднимая тучи пыли, входило в поселок. Учет местных условий позволил нам почти всегда иметь заполненный зал.

Станные люди эти актеры! Едут десятки километров в открытой машине, трясутся по разбитым дорогам, порой мерзнут, не всегда вовремя едят, бывает, что и недосыпают, иногда, когда особенно трудно, ворчат на свою профессию, но стоит только призывно зашуметь зрительному залу, зажечься огнем рампы, как куда деваются усталость и воркотня! Опять шутки, остроты, возбужденная суета за кулисами, страстное желание поскорее выйти на сцену. Попробуй в эти минуты сказать, что профессия артиста не самая лучшая в мире — закроют.

Шел спектакль «Касатка». Мы играли с подъемом, один лучше другого, а в общем, наверное, составили такой спаянный творческий ансамбль, который по праву получил высший бал в оценке зрителя, заключающийся в слове: молодцы.

Мы, актеры, знаем, что в этом простом слове заключена и теплота зрителя и его благодарность за наш приезд.

И. САМОХВАЛОВ,
главный режиссер областного драмтеатра.